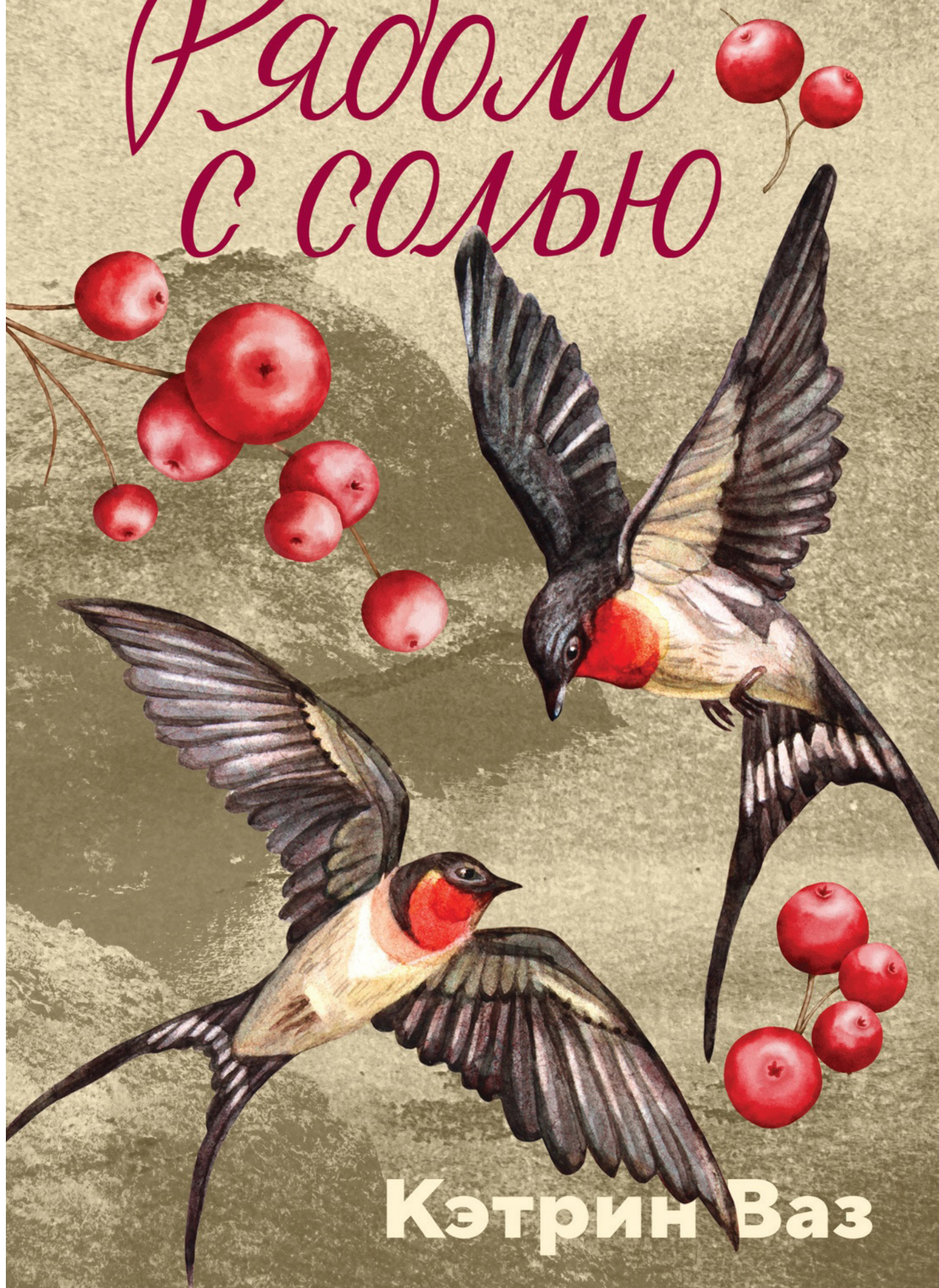

Рядом с солью

18+

Кэтрин Ваз

История в романах

Кэтрин Ваз
Рядом с солью

«Азбука»

2023

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Ваз К.

Рядом с солью / К. Ваз — «Азбука», 2023 — (История в романах)

ISBN 978-5-389-35299-5

Его звали Джон, и питался он пением птиц, потому что лишь оно проникало в тюремную камеру, где держали их с матерью. Ее звали Мария-Кэт – приемная дочь ботаника, талантливая вышивальщица, по секрету говорящая с растениями. Пусть они были детьми, но это не значит, что мироздание было к ним более милостиво, ведь конфликт между католиками и протестантами, разверзнувшийся на Мадейре в середине XIX века, не пощадил никого. Чудом избежав смерти, они и их семьи оказались на свободной американской земле, в сотнях километров друг от друга. Но, несмотря на все, что их разделяло, Джон и Мэри остались навсегда связаны невидимыми нитями судьбы. Когда-нибудь они встретятся вновь. Юноша, теперь учитель в школе для слабослышащих, мечтающий поймать и заключить в предмет звук пения птиц, чтобы можно было в любой момент услышать его вновь. И девушка, у которой получилось – неслыханное дело! – построить собственный бизнес, связанная с другим мужчиной деловым контрактом и... помолвкой? В этой юной необузданной стране, стоявшей на пороге гражданской войны, Джон и Мэри предстоит сделать выбор между долгом, будущим, здравым смыслом и любовью, которую каждый из них нерушимо хранил в своем сердце.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-35299-5

© Ваз К., 2023

© Азбука, 2023

Содержание

Начало	7
Небо состоит из зубов	8
Ткачиха ангелов	20
«Мадейра» в переводе с португальского – дерево. Это название появилось из-за лесов, горевших семь лет, когда поселенцы пытались расчистить землю, но природа восставала из пепла	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Кэтрин Ваз

Рядом с солью

Посвящается Кристоферу Серфу

Ó mar salgado, quanto do teu sal sao lágrimas de Portugal!..

О соленое море, сколько твоей соли – это слезы Португалии!..
Фернанду Пессоа

Прихоти ищет своеправный, восстает против всего умного.
Книга Притч Соломоновых 18:1

*Библия, английский перевод с оригинала – из библиотеки
Центральной пресвитерианской португальской воскресной школы
Джacksonвилл, Иллинойс, 1866*

Katherine Vaz
ABOVE THE SALT

© 2023 by Katherine Vaz

© Новикова К., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Начало

*Когда Господь создавал мир, Он забыл изобрести лед.
Он вложил всю Свою тоску в последние акты творения.
Каковы цвет и форма желания Бога?*

Это белое пламя. Оно может содрать с тебя кожу или ослепить сиянием. Оно того же оттенка, что и Его любимые существа: рыбы, что скользят по дну самого глубокого моря. Они – чистый свет. Их тела мерцают – так они ведут свои разговоры. Бог окрашивает лед яркими красками так же, как благословляет ими стекло. Фуксия, яркая до боли. Ослепляющий синий. То золото глаза тигра, что мерцает в топазе. Лишь Его взору доступен безумный дворец, который Он возводит в каждой снежинке.

Но прислушайся к ветру: Его стоны терзают землю, потому что Он не создал возлюбленную, достойную небес.

Почему же нами так легко управляет страсть, если Сам Господь не может найти ту, на ком мог бы жениться?

Небо состоит из зубов

Мадейра, 1843–1846

Долгое время, пока он жил в тюрьме со своей матерью, он питался лишь птичьими песнями.

Серафина Алвеш, тридцатипятилетняя вдова с португальского острова Мадейра, была приговорена к смерти за ересь, за то, что по-дружески говорила с Богом пресвитериан. Когда ее схватили солдаты, Джон с визгом вцепился в ее юбку, и они решили использовать его, чтобы сломить ее. Если она не вернется к вере своей юности, их с сыном оставят умирать от голода.

Тюрьма находилась в их деревне, недалеко от столицы, по прибытии Джон так и не отпустил пояс матери. В камере запахи извести и соли кружили ему голову.

– Голодны? – спросил Тониу Дутра, их тюремщик. – Примите истинную веру, сеньора Алвеш. – Джон бросился к ключу, свисавшему с ремня Тониу, но лишь разбил лицо о решетку. Тониу со смехом отвернулся и принялся пожирать манго.

– Мы будем питаться песнями, Джон, – прошептала она.

Музыка их накормит: они будут пировать, объедаться звуками. Неподалеку клекотали и переговаривались морские птицы, и их песни были сладкими на вкус. Мать сказала, что они с Джоном тоже птицы. Он – ястреб с когтями, она – сизая голубка, и поначалу они оба прекрасно наедались звуками небольшого оркестра друзей.

У моего мальчика синие крылья, пропела мать.

Я зла не убоюсь, любовь моя – мой меч.

* * *

Джону тогда было всего пять, но он навеки запомнил, как голод проник в него настолько глубоко, что в желудке проросли лозы: они были белые, как мягкие выщелоченные кости.

О, да воспоет тысяча языков: «Он узника освободит».

– *Послушайте-ка этих Маленьких Птичек*, – сказал Тониу. *Os Passarinhos!*¹ Его брови напоминали гусениц, волосы были рыжими.

– Мама, – сказал Джон. Он должен помочь ей сбежать. Все это – его вина. Она пахла папайей: черные волосы были разделены пробором ровно посередине.

– Покайтесь за то, что читали не ту Библию, сеньора, и мы вас не повесим, – объявил Тониу. Раньше он работал носильщиком, таская гостей отеля «Жардин» вверх и вниз по холму на дребезжащих плетеных санях; он был достаточно силен, чтобы сломать шею лошади. На его пути увядали цветы.

– Может быть, если бы ваш католический священник перестал носить юбку и женился, он бы не был таким злым все время, – ответила мать.

Когда Тониу просунул руку сквозь решетку, чтобы погрозить ей пальцем, Джон укусил охранника за ладонь. Тониу взревел, отпер дверь и так сильно ударил Джона, что тот отлетел назад. Мать поймала своего сына.

¹ Птички! (порт.)

* * *

На пятый день голода Джон полностью выучил язык птиц. Они часто спрашивали: «Где ты?» На каждые пятьдесят звуков страха приходилось восемь звуков, ищущих красоты.

– Мама, – сказал он, – я хочу домой.

– Я твой дом. Бог – твой дом.

Твои глаза – окна, мать. Твоя кожа – мои стены. Но мне снится наш сосновый стол, синяя керамическая миска, мой игрушечный поросенок и как Никка собирает мяту, пока Руи покачивается в полосатом гамаке. Часы все тянулись, горячие и длинные, и Джон стал сердиться на Господа: какой из Него «дом»? Бог – это голод, Бог – это неразрешимая загадка. Джон свернулся на коленях у матери, уткнувшись носом ей в шею и вспоминая цветочный запах ее пудры.

Иногда он слышал где-то вдалеке Никку, как та молит об их освобождении.

Джон спросил мать, почему преподобный Роберт Калли, шотландский миссионер, обративший многих в протестантскую веру, не приходит им на помощь.

– Он прячется в долине, – ответила она. – Мертвым он нам не поможет.

Он чуть не закричал, что ее смерть тоже никому не поможет.

Тониу, ухмыляясь, объявил:

– Сеньора Алвеш, вернитесь к Господу, с которым вы родились, и я принесу вам торт.

Слово «торт» ошеломило Джона.

Его любимыми вкусами были лимонный и кокосовый.

По ночам Тониу приносил им воду, и мать отдавала почти всю Джону. В чаше отражалось его размытое лицо, подернутое рябью. Отблеск звезды проник через окно и ударил его в затылок, прожигая дыру, когда он наклонился, чтобы глотнуть отражение собственного лица.

Мать разговаривала с Богом, иногда вслух, иногда мысленно, и казалось, она всегда была абсолютно уверена в том, что Он ей отвечает. Она верила, что каждый звук – каждый вздох, стон или ропот – заносится в книгу жизни человека, как и каждая мысль. Ничто – совершенно ничто – не теряется во Вселенной; каждый человек каждую секунду участвует в творении. Ни одно деяние не бывает по-настоящему тайным, и ни одно намерение не растворяется в пустоте. Каждая упавшая булавка, каждый украденный поцелуй, каждый подавленный всплеск ярости, каждый шепот сплетни или проблеск чувств: неважно, как хорошо они были скрыты, – все они добавляют свои ноты к музыке в ушах Бога, и Он отвечает тем, кто верует.

Но Джон не мог услышать Божественного Голоса, потому что ему больше хотелось варенья на кукурузном хлебе, чем святого причастия.

* * *

Ежевика и мускатный орех!.. Тост, такой горячий, что обжигает нёбо. Банановые оладьи; рыба-меч в сладком вине; черный, как земля, розмарин, парафин из сахарного тростника на банках с желе, куриные яйца с солью, и дни, длинные, как тоска, и голод, сжимающийся в белую точку, которая разрастается в полосу. И ты паришь в этой полосе. Даже в старости, после пиршества, ты кладешь руку под сердце и ощущаешь эту ослепительную белую полосу. Она есть желание. Она есть любовь.

* * *

Голодный, лежа на спине с раскинутыми руками и ногами, Джон заметил, что пение птиц прерывается, когда пролетает сквозь решетку на окне. Целые ноты и кружочки полунот падали на него, как звуки бубна Никки, и натягивали кожу, а штили нот пронзали, как иглы.

Мать схватила Тониу за воротник и прошипела:

– Ты убиваешь ребенка.

Он сжимал ее руку, пока она не отпустила; она сдержалась и не закричала от боли.

– Не волнуйся, мама, я верну нас домой, – сказал Джон, но она не услышала его, потому что его слова таяли, едва вылетая изо рта.

– Что? – переспросил Тониу. – Повтори-ка еще раз, Джон.

Грудная клетка Джона расширилась. Он заговорил. Ему хотелось взмолиться: «Позвольте матери забрать меня домой».

С победным криком Тониу утащил мать прочь. Джона отшвырнули в сторону – с позором, потому что он произнес, пробормотал – пусть и очень тихо – одно слово, эхом отдававшееся у него внутри.

– Торт.

* * *

Решетка на окне разрезала небо на квадраты, похожие на зубы.

Торт оказался шматом кукурузной лепешки с оливковым маслом, от которого у него свело живот. Мать скажет католическому священнику, что он дурак, и тогда ее сожгут на костре. Она умрет, но не отречется от Бога, каким она Его познала – от Духа, живущего повсюду.

Насекомые копошились в дырах стен, пока Джон не почувствовал, что за ним наблюдают черные мигающие глаза.

* * *

Сколько часов он провел в одиночестве, когда о нем не вспоминал даже Тониу? Безмолвие отдавалось эхом, и в глубине тишины слышалось пение русалки. Он хотел к Никке, большеглазой, как ягненок. Ей нравилось стирать их одежду в ручье и развешивать ее над лавандой – во время стирки она напевала. Джону хотелось, чтобы его положили рядом с могилой отца во дворе, где мать посадила выюнок-ипомею, который пророс сквозь кухонное окно. Его фиолетовые цветы, посланные телом отца, ложились своими томящимися головками на разделочную доску, под почерневшие от готовки горшки: слегка криво висящие, лязгающие от удовольствия, несмотря на то что держались на крючках. Джон прислушивался к дому, к живым и мертвым внутри. Если он будет молчать, возможно, Бог поговорит с ним, как Он говорил с матерью, и поведает, как ее спасти.

Но вдруг он взорвался криком, бросился на решетку, звал ее, Никку и Руи, и преподобного Роберта Калли, и его крик полетел в сторону города Фуншала, скользнул по застывшей лаве, похожей на сухожилия, вырванные из вспученной земли, и понесся вперед, покачивая зачарованные лодки в гавани.

Он задохнулся, когда в горле не осталось ни звука, даже животного блеяния. И на него обрушилась музыка. Люди пели гимн «Изливая сладкий восторг»: звуки доносились, как он

догадался, с холма между морем, полным дельфинов, и тюрьмой – мужчины, женщины и дети обращали к небу слова, а небеса проливались дождем на Джона.

В волнах плескался тунец, и морской ветер, соленый от брызг, доносил до него мелодии этих невидимых душ.

Кто-то рубил ананасы мачете, и бриз подхватывал брызги сока.

О счастливый дом, где тебя любят.

Свет Света, просвети меня.

Песни велели ему соблюдать девиз матери: «Если ты пережил одну минуту, значит, сможешь пережить и следующую», – *выпей нас, съешь нас*, мир – это музыкальный инструмент. Банановые деревья покачиваются, как высокие, украшенные драгоценностями женщины с непокорными волосами, которые обожают танцевать, но только стоя на одном месте. Они шумят, и кто-то где-то разрезает гуаву или взбивает яичные белки, пока те не образуют пики. Прислушайся! Кто-то потрошит рыбу, приподнимая за хвост хребет, чтобы добраться до мяса, еще хранящего память о костях.

Дверь отперла Никка и дала ему хлеба. Она умоляла его перестать плакать. *Люди услышали тебя, Джон. Ты свободен.*

Протестующие, даже католики (их лидер был католиком), потребовали вашего освобождения. Матери придется задержаться в другой тюрьме, но ее накормят. Калли арестован, и теперь он молится в том же месте. Ты был храбрым.

* * *

В памяти Джона навсегда останется образ старшего брата Руи, плачущего от облегчения, и Никки в платье цвета облаков: ее ожерелье из вулканического стекла покачивалось, как детские качели, когда она снимала с огня котел с супом из капусты. Она была достаточно взрослой, чтобы стать ему второй матерью, и подрабатывала прачкой. Они читали Книгу Бытия из тайной новой Библии. Преподобный Калли верил в обязательное образование для каждого, включая женщин и девочек. Как иначе узнать слова Божьи?

Они осваивали английский. «Ждать». «Смотреть». «Год». «Желать». «Спать».

Джон научился нырять и надолго задерживать дыхание, проплывая сверхчеловеческие расстояния, собирая ракушки и соскребая крохотные домики моллюсков с камней, созданных вулканами. Однажды косяк рыб-игл окутал его серебряной лентой. Когда соль ударила ему в ноздри, он вынырнул на поверхность, где ветер звучал, как кода церковного органа. Джону так хотелось записать этот шум, чтобы иметь возможность прослушивать его снова и снова, чтобы его дыхание сливалось со стоном этого органа.

Всякий раз, когда Джон намеревался отправиться за матерью, он обычно не добирался дальше оврага, обозначающего границу их деревни под названием Санта-Крус. Там его ловила Никка, уверявшая, что Калли изо всех сил пытается ее освободить. Но однажды утром Джон ускользнул от сестры и поспешил в Фуншал. Люди шептались, что мать сидит в грязной темнице, где безбожные преступники теснятся все вместе: и мужчины, и женщины. Если тюремщиком окажется Тониу, Джон убьет его ножом, спрятанным в кармане.

Ноги ныли: Мадейра состоит из вулканических скал, неровных расщелин, вертикальных садов и столбов растительности. Джон остановился на тропе, ведущей вглубь острова. Руи предупреждал, что единственное населенное место – Куррал-даш-Фрейраш – все еще усеяно скелетами пиратов, которые были пронзены мечами монахинь. Бог расколол землю топором, чтобы узнать, что творится там внизу, а затем вонзил лавровые деревья в разломы, чтобы не позволить стонущим демонам – монахиням и пиратам – выползти наружу. Теперь там обитала колония людей, похожих на узловатые саженцы, они ели горящую древесину и скалили угольные зубы на незваных гостей. Джон гнал себя вперед.

Жители Мадейры использовали язык свиста, чтобы переговариваться на дальних расстояниях: Джон остановился, когда сборщик винограда и человек, пропалывающий бобы, принялись перекликаться, запихивая звуки в воображаемые бутылки, чтобы перебрасывать друг другу через пропасть. Они просвистели и ему, и он ответил йодлем, которым обычно созывал свиней к кормушке. Мужчины просвистели в ответ что-то, что Джон не смог разобрать, но почувствовал, как его укачивает сеть звуков.

Фуншал кишел людьми, пока Джон спешил мимо домов со ставнями, покрашенными в малиновый или китайский синий. Он спросил продавца плетеных кукол, где находится тюрьма, и тот указал ему на проспект, над которым возвышались утесы с особняками британцев, построивших вышивальные фабрики и заводы по производству патоки.

У крепости стояли двое молодых стражников со штыками, и когда Джон потребовал встречи с матерью, они вежливо извинились за то, что им приходится держать ее взаперти.

Джон спросил:

– Где Тониу Дутра? Мне нужно убить его.

Солдаты переглянулись, и один из них сказал:

– Ты опоздал, малыш. Он утопился, чтобы избавить тебя от хлопот.

Они убедили человека на повозке, запряженной мулом, отвезти Джона обратно в Санта-Крус, где его поджидала разъяренная Никка. Зачем он так напугал ее? Да, Тониу был объявлен мертвым – он покончил с собой. Он оставил записку, но тело так и не нашли.

На Джона нахлынула жуткая ясность, остановившая его от новых попыток спасти мать. Она готова была рисковать голодной смертью своего сына. Она могла покончить с их страданиями в тюрьме, она и сейчас могла бы положить конец своему отсутствию – заявить, что любит Никку, Руи и Джона больше, чем Бога преподобного Калли. Это преследовало его так же, как образ их мучителя, раздувшегося под водой, – мягкое зеленое лакомство для крабов.

* * *

Он простил ее, когда ее заточение растянулось на год и превратилось в вечность, а напев Никки «Скоро, скоро она будет дома» стал пыткой. Жар сгушался и плотнел, создавая букеты из белых хризантем и роз, будто мать бросала их ему и пела: «Лови, Пташка. Я Божья невеста».

После второго года ожидания Никка дала им повод отвлечься: ей исполнилось семнадцать, и она вышла замуж за рыбака по имени Мигель. Единственное его достоинство – долгие периоды его отсутствия. Однажды он вывернул Никке руку, когда она отказалась принести ему ботинки, и Джон с Руи били его, пока он не отпустил ее.

Однажды утром, окрашенном в сиреневый, после сотен и сотен дней без матери (Руи исполнилось двенадцать, а Джону почти восемь), Никка воскликнула: «Преподобный Калли хочет, чтобы мы навестили его сегодня вечером». Он был освобожден из тюрьмы несколько месяцев назад и вернулся из путешествия в Англию.

Во время поездки на телеге с братом и сестрой Джон смертельно боялся, что их вызвали, чтобы Преподобный сообщил им о смерти матери и утешил их. Джон представлял, как ее ноги раскачиваются в воздухе, шея в петле сломана, и его ужас сменился португальским недугом, носящим название «нервы, вышедшие на поверхность кожи». Страх усиливался по мере их подъема на холм к жилищу Калли – убежищу, чье убранство внушало мысль: нет греха в том, чтобы наслаждаться земным величием. Фиолетовые отблески закатного солнца падали им на плечи. Они постучались, Преподобный распахнул дверь и громко прокричал: «Входите, верующие!» Белые волосы Калли были как львиная грива, а его шотландская кожа задубела в суровом климате.

– Мама, – прохрипел Джон.

– Джон, мой друг во Христе, – сказал Преподобный, наклонившись, заставляя Джона заглянуть в его горящие глаза, голубые, как будто само небо сжалось, чтобы стать ими. На нем были бежевые брюки и простая рубашка, но никакого креста – ибо никто не имел права требовать Господа лишь для себя. Калли провозгласил:

– Твоя мать выдержала гнет жалких людских законов, оставаясь верной Божьим заповедям!

Никка расплакалась, а Джон и Руи рухнули по обе стороны от нее. Калли проводил их в библиотеку с кипарисовыми скамьями. Джон так дрожал, что не смог выкрикнуть: «Но где же она?» – и испытал ощущение, которое останется с ним до конца жизни. Преподобный настоял на том, чтобы они сразу же вознесли благодарность Богу, пока мать заканчивала читать молитвы наверху с набожной женой Калли, Маргарет. Они с мужем приехали на Мадейру в поисках субтропического тепла, чтобы вылечить ее немощь, и решили остаться, чтобы проповедовать и выступать против рабства, величайшей скверны на земле. Те две минуты, когда Джон знал, что мать наверху, но все еще не в его объятиях, стали агонией, более острой, чем страдание во время ее долгого отсутствия.

Он бы помчался наверх, если бы ноги послушались, но Калли сложил крупные ладони и изрек: «Прими нашу благодарность, Иисус Христос, за то, что Ты убедил королеву Англии и королеву Португалии смягчить смертный приговор Серафине Алвеш. Слава Тебе, Господи, за то, что ты сопровождал меня в путешествии к ним с этой просьбой! Осанна тем, кто выступил против заключения в тюрьму людей нашей веры, и я смиренно прошу благословлений для Аугусту Фрейташа, католика, главного вдохновителя этого протеста в те первые мрачные дни, ибо все мы – Твои в царстве славы. Пролей Свою милость на местную паству пресвитериан, насчитывающую почти две тысячи человек. Даруй мир Серафине, которая была готова к смерти все эти два с половиной года».

Когда они подняли головы, Джон стряхнул с себя оцепенение: его мать беззвучно достигла подножия лестницы. Он не хотел молить: он жаждал ее физического присутствия.

– Мама! – завопил он, подлетая к ней. – Мама!

Пошатнувшись, она рухнула на колени, как будто готовясь к казни, и прежде чем они обнялись, он увидел ее поредевшие зубы. Воспоминание о голоде окутало ее ореолом, смешением пятен красных и желтых оттенков. От нее пахло мшистым подвалом. Руи спрятался под другой ее рукой, а Никка целовала ее макушку. Люди становятся тем, что они едят, и Джон крепко сжимал ее, чтобы накормить своими объятиями. Ему хотелось выдохнуть: «Я люблю тебя больше, чем сахар, мама, больше, чем хлеб», – но он не смог произнести ни слова. Ведь ее вера была непреклонна в том, что даже проблески тоски так же реальны, как ложка или кошка. Ее кожа гудела, когда она прижимала его к себе. Тела – это язык, он так любил ее и любил ее любовь к нему, пусть их объятие скажет больше любых слов.

* * *

Сколько времени длился следующий круг молитв? Пение тянулось целую вечность и наконец прервалось, когда Маргарет Калли, хрупкая, как кукурузная шелуха, спустилась вниз, чтобы подать чай и печенье. Преподобный заявил: «Давайте завершим это счастливое воссоединение, возрадовавшись чудесам Господним».

Он любил утверждать, что единственные картины, которые ему нужны, – это окна его библиотеки с видом на гавань, на волны, похожие на осколки стекла, разрезающие зеленую ткань моря, а лучший оркестр – шумный хор щеглов и славков. Он отодвинул ржавые засовы, чтобы распахнуть окна, и внутрь хлынул свистящий поток летучих мышей. Они заполонили книжные шкафы, поедая насекомых, которые ползали по переплетам и угрожали сохранности величайших сокровищ – слов, заключенных в разноцветные обложки. Летучие мыши очищали

библиотеку, коллекции на полках: то, что Калли называл «голосами, говорящими со страниц», и тома на подставках, где были изображены раскрашенные гравюры ракушек в разрезе – морские улитки, похожие на башенки, гребешки, похожие на веера, – и даже католические Библии, потому что он восхищался их позолоченными иллюстрациями.

Джон напрягся, чтобы уловить пронзительно-высокие вскрики летучих мышей. Сквозь их тонкие, как креп-бумага, крылья были видны кости, когда они гонялись за жуками, забравшимися в щели. Летающие создания сворачивались, словно черные тряпки, на пыльных верхушках книг. Мать запрокинула голову вверх и ладонью ухватила за руку Джона – лучший из разговоров: этого было достаточно. Руи вздыхал от радости. Никка съела печенье и вслух задумалась, есть ли в нем розовая вода. Маргарет сказала, что есть. Яркие как свет маяка глаза проповедника следили словно лучи за узором полета летучих мышей, которые закончили очищать библиотеку и, насытившись, хлынули наружу, словно извивающиеся арканы-лассо.

* * *

Той ночью Джон зашел убедиться, что мать жива и спит на своей койке, и обнаружил: ее нет. Он кинулся на улицу и нашел ее рядом со свиньями, она гладила его любимицу Глорию по голове. Джон не выдержал:

– Мама, я должен был спасти тебя.

Она была разбита и измучена, но светилась, говоря:

– Ты не сделал ничего плохого, Птичка. Тот священник спрашивал, почему я предпочитаю говорить с Богом напрямую, а не через него. Я сказала, что однажды Господь прошепчет мне послание, и я не оставлю этот мир, пока не услышу его. Это будет ответ, который поможет исцелить все зло, повсюду. Мы с тобой не умерли от голода, Джон, и я не предала Господа моего сердца. Однажды Он расскажет мне эту тайну, чтобы я поделилась ею со всеми, но сначала я открою ее тебе.

– Почему Он не говорит ее тебе сейчас?

– Божье время не похоже на наше.

Она прижалась своим лбом к его лбу и сказала:

– Ты слышишь, что Он говорит?

– Нет, мама.

Он притих на случай, если Бог соизволит передать ему послание – какая была бы радость сообщить матери: «Он говорит и со мной тоже!»

– Слушай, – она улыбалась, пока он не захихикал. – Он говорит: «У Джона есть мать, которая любит его так сильно, что вместо того, чтобы однажды взять ее к себе на небеса, я позволю ей слиться с деревьями. Так она всегда сможет оставаться рядом с ним, неважно, сколько ему будет лет».

Он был слишком ошеломлен, чтобы ответить: *«Попроси Бога никогда не забирать тебя»*.

Она сказала, что звезды – это алфавит Всевышнего. Португальские мореплаватели читали созвездия, расшифровывая Божьи письма, чтобы отыскать свой путь. Он пишет в книге ночи, как безумный художник.

Она убаюкала Джона, отправив его в сияющую странность снов. Когда он снова встал, чтобы проверить ее, Бог укрыл ее одеялом из пятнистого звездного света. *На теле этой Моей возлюбленной, – начертали небеса, – я пишу историю любви. А какой будет твоя?*

* * *

Бог вновь испытывал ее верность, посылая приступы головной боли, которые валили ее с ног весной, когда она вышла на свободу, и продолжались все лето. Джон полагал, что причиной

тому – насмешки людей. Ее страдания усугублялись спорами с Никкой, которая настаивала на вызове врача. Мать же упрямо отвечала, что лишь Господь может исцелить ее.

Однажды утром Джон воскликнул: раз Бог *создал лекарственные растения и людей, умеющих ими пользоваться*, то почему она отказывается от их помощи?

Когда она заснула, наморщив лоб, Джон прошептал: «Мама, прости, что я повысил голос. Я спасу тебя». Он поклялся отказаться от самого счастья – от еды и дружбы, от всего-всего, *если Господь позволит ей дожить до ста лет*.

Доехав со сборщиками тростника до Фуншала, Джон остановился на пляже с черным сахарным песком, окаймленном красным гибискусом, и посмотрел вверх на Ботанический сад, который, казалось, парил на высокой террасе. Всем было известно, что там живет волшебник-целитель, который ухаживает за поместьем, где птицы лорико и изумрудные двуязычные попугаи носятся среди деревьев авокадо, где проводятся опыты и создаются лекарства, цветы могут вырывать корни и ходить, а некоторые из них настолько прекрасны, что, глядя на них, можно ослепнуть. Намокшие от пота полотенца пытались задушить Джона, пока он поднимался по тропинке. С возвышенности у входа посетители могли оценить, как некогда ровный участок земли превратился в живой ковер.

И он был прекрасен – грядки в форме розовых ромбов или желтых параллелограммов, – так пронзительно прекрасен. Одного только запаха мускуса, который Джон принесет домой на рубашке, могло бы хватить, чтобы вылечить головную боль матери. Бродя мимо сонных райских птиц и зеленых шаров, расколотых каскадами пурпурных бутонов, Джон задавался вопросом, почему он тут совершенно один. Но тут зашуршали кусты, и он приготовился удостоиться редкого шанса увидеть, как волшебные растения выходят на прогулку. В нижних камерах его сердца собирался страх, а верхние затопил восторг. Ее платье было темно-зеленым, как листья, а красные точки на ткани напоминали ягоды, поэтому сначала он принял девочку с лейкой за порождение самого сада. Она повернулась к нему, только когда он оказался рядом: ее глаза были зелеными, а черные волосы образовывали стрелку, направленную на лоб – у этой стрелки было название, но он забыл его². Она выглядела почти его ровесницей, и в ней чувствовалась храбрость человека, пережившего большую утрату, несмотря на все великолепие вокруг, отчего она казалась героиней из сборника рассказов, в котором, он был уверен – им овладело *знание*, – содержалась пара строк и про него самого.

– Я пряталась, а ты меня нашел! – пропела она, как будто они заранее договорились сыграть в такую игру. – Я Мария Фрейташ.

Он назвал свое имя, и они обменялись поцелуями в щеки: сначала ее правая щека встретила с его правой, а затем, будто рисуя крест в воздухе, его левая щека коснулась ее левой. Все это напоминало приветствие незнакомцев на светской вечеринке.

– Мне нужно лекарство от головной боли для матери, – сказал Джон. Он уже нарушил свою клятву перед Богом отказаться от друзей и мирских удовольствий ради спасения мамы, и эта девочка, казалось, почувствовала, что он выбит из колеи. Понимает ли она, что такое обеты, которые важнее самого человека?

Она указала на рощу, где джентльмен, похожий на врача, возложил руки на кору, и сказала:

– Это мой отец. Он разговаривает с кофейными деревьями.

Джон не помнил своего отца, тот покоится с Богом. Никогда, никогда он не сможет произнести: «*Вот мой отец*». Но он все же переспросил:

– Разговаривает с деревьями?

Она посмотрела на него с раздражением:

² Имеется в виду «мыс вдовы» (другое название – «вдовый пик») – линия роста волос на лбу в форме треугольника вершиной вниз.

– Они же живые существа. – Мария сорвала красную ягоду и повернула ладонь Джона к небу, чтобы он ее взял, а затем сорвала с дерева лимон и разрежала его ножом, выхваченным из ведра с инструментами. Сочная половинка, протянутая ему, напоминала фрукт не столько разрезанный, сколько обезглавленный. – Съешь ягоду, а потом пожуй лимон, – скомандовала она, – и он станет сладким на вкус.

– Нет, – сказал он.

– Да. Это чудо-ягоды. Ты хочешь чуда или нет? Смотри, вот и папа идет. Он всегда угадывает, когда он мне нужен.

– А что будет, когда я попробую лимон?

– А что, у тебя бывало, чтобы лимон превращался в сахар? Чего тебе еще нужно?

Они рассмеялись. Лето – упругое и полное цитрусовых, а жизнь – волокнистая и жесткая. Чудом казалось то, что очень умный человек может быть очень веселым и при этом выглядеть очень грустным. Джон пожалел, что на нем старые штаны Руи и рубашка, пропитанная потом. Ягода оказалась мягкой, и он положил лимон на язык...

Звезды! *Слава вам.* Внутри него возникла не просто искра сладости, а водопад, взрывы и всполохи.

Седовласый джентльмен подошел ближе. Мария Фрейташ смогла прочитать мысли Джона (позже он понял: она привыкла к тому, что люди думают, мол, ее папа скорее похож на ее дедушку) и сказала:

– Я говорю себе, что родители, к которым я сперва попала, переехали жить на дно океана, но оставили меня здесь, наверху.

Это звучало как первая строка в книге с историей ее жизни.

Отец Марии, такой же ухоженный, как и его сады, с подстриженными усами и бородкой, в шляпе от солнца и сабо, а также в безупречном коричневом костюме и жилете, представился как Аугусту Фрейташ. Джон уже слышал это имя раньше. Где?

Мария объявила:

– Папа, у его матери головные боли.

Когда сеньор Фрейташ спросил, есть ли причина ее страданиям, Джон упомянул отмененный смертный приговор и продолжающиеся гонения. Аугусту преклонил колени, схватил Джона за руки и сказал:

– Серафина Алвеш? Дитя, я возглавлял протест. Я католик, но мы должны любить ближних, как самих себя. Ты особенный, Джон. Для меня большая честь снова помочь ей. – Тембр его стал решительным. – Пиретрум девичий.

Панели в оранжерее были не столько зелеными, как салат, сколько цвета душ салата. Аугусту нашел пиретрум и сказал Джону:

– У тебя появилась работа, – он срезал две дюжины цветков, напоминающих ромашки. – Сеньоре Алвеш следует высушить их для чая, заварить двойную порцию, когда нагрянет недуг, а затем принимать понемногу каждые четыре часа.

Джон выпалил:

– Почему вы в костюме, сеньор? Когда занимаетесь садом.

С ослепительной улыбкой тот сказал:

– Я гость этих растений. А ты – наш. Пойдем! Ты выглядишь так, словно очень хочешь пить.

В их с Марией коттедже жимолость льнула к ставням обжигающими глаз оранжевыми цветами, и Джон отвел взгляд от алтаря со святым Франциском – святые такие же люди, и почитать их неправильно, хотя Джону втайне нравилось, что они относятся к особой категории людей, которым дарованы сверхъестественные силы. Аугусту показал ему карту Мадейры – она выглядела как обломок скалы, который откололся от Португалии и остановился в Атлантике, как ясная мысль над Канарскими островами и черепной коробкой Африки.

Мы живем на крошечном пятнышке в море, соленом от слез мира.

Мария спросила, можно ли им попить креветочной воды. Пока ее отец нарезал в кувшин персик, она вынесла поднос, полный пирожков с какао-маслом и засахаренным миндалем, белым и розовым, как окаменевшие глаза слепых кроликов. (*Были ли это грех – получать такое ужасное счастье от этого изобилия?*) Она положила пирожок на фарфоровую тарелку и мягко попросила:

– Расскажи мне, как это было.

Он сразу понял, о чем она спрашивает.

– Я боялся, что мама умрет в тюрьме. Я все еще боюсь потерять ее. Потерять всех.

Ему было не по себе от того, как она смотрит ему прямо в душу.

Она ответила, что очень хорошо понимает этот страх. Папа сказал ей, что Джон родом из семьи, которую зовут Os Passarinhos, потому что они птицы, которые питаются пением. Ей тогда было всего три года, вдвое меньше, чем сейчас, но она помнила, как их голоса сливались воедино. У него уже была настоящая героическая история!

Мария захлопала в ладоши, когда отец принес кувшин, в котором изогнутые дольки персика напоминали креветок, плавающих в аквариуме, а нити, тянувшиеся от косточки, колебались, как хрупкие ножки. В свертке лежал пиретрум, врач добавил туда еще пакетик фенхеля, полезного для пищеварения. «Я передаю вам частичку нашего города», – сказал Аугусту. Это была шутка, поскольку Фуншал получил свое имя от слова *funchal* – «фенхель». Джон почувствовал себя настолько свободно, что спросил:

– А что все пели тогда, около тюрьмы? – Он узнал несколько гимнов, но большая часть воспоминаний была размыта.

Сеньор Фрейташ запел протестантские псалмы, не боясь, вслух. *Для моего внимательного уха вся природа поет, и вокруг меня звучит музыка сфер.* Мария с нарочито-лукавым вниманием резала пирожок ножом и аккуратно ела кусочки с вилки, излучая гордость за недрогнувший голос отца, и Джон чуть не закричал:

– Как бы мне хотелось это записать! Не только слова, но и звуки. Я бы слушал их все время. – Он признал, что это несбыточное желание.

Сеньор Фрейташ возразил:

– Вовсе нет. Композиторы записывают ноты, и тогда любой музыкант, следуя им, воспроизводит ту же мелодию.

– Но я бы хотел, чтобы звуки можно было перенести на бумагу, и потом бумага пела мне, когда я захочу. – Как написанные слова, которые всегда доступны взору, хотя написаны на листе, или как камера, которая умеет заморозить изображение, и его можно рассматривать бесконечно.

Мария подошла к шкафу, достала толстую книгу, торжествующе уронила ее перед ним и провозгласила:

– Люди как раз изучают это. Как поймать звуки.

– Загляни внутрь, – сказал Аугусту.

Автором был иезуит по имени Афанасий Кирхер, у книги имелось длинное название на латыни, но сама она была на английском. Многие страницы заполняли иллюстрации. Изображения тромбонов: рука, сжимающая металл, словно саму музыку, волнуемую, как оса. На схеме слухового прохода был изображен круг, называемый «барабаном», который дрожал, когда в него поступали звуки. Люди сами как музыкальные инструменты благодаря органу, называемому барабанной перепонкой!

– Возьми книгу домой, вернешь в следующий визит, – сказал сеньор Фрейташ.

Когда Джон запротестовал, боясь забирать что-то столь ценное, Мария воскликнула:

– Создай бумагу, которая поет. Только не проливай воду на книгу и не рви страницы! Ты должен вернуть ее, чтобы я могла увидеть тебя снова.

Аугусту завернул фолиант в ткань и снова настоял.

– Ты умеешь читать по-английски? Я знаю, что преподобный Калли учит вас ему в своих школах.

Или учил до того, как власти закрыли их.

Вдруг мир показался Джону огромным, а люди – мчащимися вперед, в погоне за изобретениями, связанными со звуком. Он никогда не встречал девочку, которая верила, что тайну можно превратить в нечто обыденное.

Он совсем не думал о том, как добираться домой – шестнадцать километров, – но сеньор Фрейташ предложил, чтобы его подвезли. Они пошли гуськом по узкой дорожке, посыпанной пеплом, Джон шел вторым, а Мария прыгала, чтобы ее следы точно совпадали со следами Джона – будто он нес ее в самом центре себя. Он сжимал в руках травы и книгу Кирхера. Садовник согласился отвезти Джона в Санта-Крус, а Аугусту и Мария Фрейташ помогли ему забраться в телегу с сеном.

– Когда вернешься, Джон, приводи с собой свою семью, – сказал Аугусту. – Для меня будет особой честью приветствовать твою мать.

Мария не могла стоять спокойно, подпрыгивала на месте и, несмотря на жару, надела накидку, чтобы проводить его на прощание. Джон сказал:

– Спасибо за все.

– О, Джон, – ответила Мария, окинув его взглядом зеленых глаз, – разве это не чудесный день? – Она бросилась к нему для прощального поцелуя, и он поклялся принести ей подарок из океана. Он знал, что она поняла: говоря о таком подарке, он имел в виду историю ее родителей, живших в глубине. Ее окутала та радостная меланхолия, в которой он узнал внутренний жар португальской души.

Запряженная лошадьми телега с грохотом ехала по дороге Маржинал, где торговец продавал гладкие, как стекло, леденцы, катила вдоль моря, где крабы съели Тониу, а кровные родители Марии разрабатывали способы, как заставить раковины морских ушек сиять, чтобы освещать путь косякам рыб.

Джон отверг пугающую мысль о том, чтобы стать одной семьей – Аугусту любил элегантность и был католиком. Мать бы осудила мужчину, одетого как богатый британец, даже если он живет в простом коттедже, а девочка казалась слишком напористой для христианского смирения, носила красивую одежду и горделиво держала спину. Ее смех был громким, хотя Джону хотелось закрепить его на бумаге, имитирующей кожу барабанной перепонки, чтобы он вибрировал снова и снова.

Когда телега поднялась на склон холма, белые приземистые дома с черными трубами вдалеке казались упавшими игральными костями. Все, что он сегодня видел, пробовал, слышал или трогал, начиная с ягод, подсластивших лимон, и персиков, превратившихся в креветки, было вещами из реального мира, а не бессмысленными фантазиями – *реальными* чудесами, – и от этого в груди Джона стоял такой громкий рокот, что он был готов заплакать.

Мать выбросила пиретрум и фенхель, заявив: «Моя жизнь в руках Господа». Обиженный, он поборол вспышку гнева. Но показал ей книгу Кирхера, подавив беспокойство из-за того, что автор – католический священник: ведь там была иллюстрация с королем, подносящим трубку к уху, чтобы подслушивать заключенных в темнице. «Птичка, – сказала мать, восхищенная рисунком, – Бог хочет, чтобы мы узнали, как все сущее возносит Ему хвалу».

О, мама! Они громко говорили над водой в чашке, чтобы пронаблюдать, как на поверхности образуются круги. Джон решил нарисовать это, и она назвала его идею гениальной. Он был в восторге. Вот как ее исцелить – заставить ее радоваться.

Вдохновленная диаграммой, мать прошептала в перышко: «Я раба Господня», и перо зашуршало. Они погрузили его в вино, и когда она заговорила с напитавшимся влагой пером, прикасаясь им к бумаге, Бог нарисовал пурпурные разводы.

Джон хотел, чтобы она познакомилась с Марией и Аугусту, но их католичество мешало ему предложить это. А еще он не хотел возвращать священную книгу, которая так взбодрила мать.

И тогда история решила разбить все их триумфы на наковальне. Всего через три недели, радуясь, что муж Никки, Мигель, ушел в море на рыбацкой лодке, Джон с сестрой кормили свиней кукурузой, пока Руи возился с кашей внутри, а мать мыла посуду. Джон услышал звук, похожий на рокот ракет, которые обычно запускали как сигнал начала фестиваля и которые оставляли дымные следы в небе. Он указал в направлении звука и сказал: «Никка? Смотри».

Это был беспощадно жаркий день в начале августа. Они посмотрели вниз, на долину. Там горели дома, а пылающие пальмы покачивались, как метрономы. Никка вздрогнула от выстрела из пушки со стороны гавани. Джон обнял сестру. Он должен быть готов умереть за нее и за Руи, и прежде всего за мать.

Потому что трое мужчин, быстро топя и фыркая, как нападающие быки, поднимались по склону к их двору, держа в руках факелы.

Ткачиха ангелов

Мадейра, 1840–1846

Смертный приговор Марии Катарине Перейра Ваш Гато де Фрейташ был вынесен при рождении. Ее оставили возле каменного колодца старухи, имя которой давно заменил титул *Tecelao dos Anjos*, Ткачиха ангелов. Это произошло в Камаче, недалеко от Фуншала, поэтому девочка лежала в плетеной корзине: местным ремеслом было изготовление из тростника кукол, стульев и мисок. Все называли женщину Тесси – прозвище, данное британцами, которые не могли произнести «Теселан», но при этом пользовались ее услугами. Ее работа заключалась в том, чтобы душить или топить нежеланных новорожденных, собирая их непорочные души в гирлянды, пока они еще ангелы, ведь тяготы жизни не заставили их согрешить.

Малышка, безымянная в час своей казни, скинула одеяло, обнажив кружевное платье, словно одетая для представления во дворце Келуш. В оплату услуг Тесси входило молчание (насколько это вообще возможно на острове) об изменах и девушках, которым приходилось прятаться, когда их тела раздавались вширь, однако у этого ребенка было самое шокирующее происхождение за всю ее карьеру. Рукоять колодца визжала, когда она опускала ведро и набирала воду, а ребенок гулил. Тесси окунула черпак в воду и произнесла нараспев: «Я крещу тебя во имя Отца, Сына и Святого Духа», одновременно капнула водой на лоб ребенка и затараторила текст причастия, отречения от Сатаны и все прочее. Она страдала от похмелья вдвое сильнее, чем обычно.

– А теперь лети в рай, – сказала Тесси, но помедлила. Мать ребенка была глупой богатой девчонкой, ныне запертой в соседнем монастыре, но могущественный отец – известным тираном, считавшим себя божеством. Скорее всего, он будет благодарен, если его избавят от очередного бастарда. Или же прикажет намотать кишки Тесси на лебедку? Ее бабка и мать тоже были ткачихами ангелов, и ей нравилось, что ее боялись, страх гораздо лучше почитания. И вообще, сколько женщин зарабатывают достаточно, чтобы купить свободу от других людей? Из-за боли в плече она решила, что проще прижать подушку к крошечному личику, чем запикивать младенца в ведро и снова крутить колодезный ворот.

Нижняя сторона подушки стала янтарного цвета от последних вздохов смертных ошибок монахинь и священников или богатых заблудших супругов. Некоторые ангелы были уродцами или нежеланными девочками, а иногда простолюдины не могли позволить себе восьмого ребенка.

Тесси была духовной акушеркой, создательницей маленьких святых.

Над головой визжали попугаи, пикируя и снова подлетая вверх.

Она уложила младенца в грязную яму, крихтя, потому что диета из огненной воды и козлятины сделала ее тело негибким. Жаль, что последним зрелищем на земле для младенцев оказывались щелистые зубы Тесси и ее шея с зобом. Ее плоть становилась все более безобразной по мере того, как она шла на преступления, истинные виновники которых оказывались слишком трусливы, чтобы признать их, – такова была часть сделки. Под поднятой подушкой ребенок захихикал, и его смех отбросил Тесси назад, испуганную этим вызывающим весельем.

Было бы приятно думать, что ею овладела нерешительность из-за того, что этот ребенок был какой-то особенный или исключительно милый. Но на самом деле этот ангел – отпрыск двух знатных семей, и Тесси могла продать такую родословную нетерпеливому родителю за отличную плату.

* * *

Аугусту Перейра Ваш Гато де Фрейташ назовет свою новую дочь Марией Катариной – в честь жены, которая умерла при родах два десятилетия назад, когда их сын появился на свет, задушенный пуповиной. Его горе было широко известно. Доставленная в тростниковой корзине Мария Катарина стала его спасением, как Моисей, и унаследовала лаймовые глаза и черные локоны его жены. Ему сорок шесть лет, он главный садовник Ботанического сада, принадлежащего одному аристократу, хотя цветы и деревья, наслаждающиеся видом сбивающегося в вихри моря, шепчут, что на самом деле они принадлежат ему.

Горгулья, которая принесла Марию, рассказала небылицу о ее происхождении, чтобы задрать грабительскую цену еще выше (Аугусту мог бы посмеяться над сказочными мотивами: старуха, выходящая из леса с самым красивым ребенком в королевстве), из-за чего он провел расследование и пришел к выводу: вполне возможно, у его дочери такой могущественный кровный отец, что ее могут похитить или убить. Кровная мать живет в монастыре в молчании, скрывая позор.

Кожа на голове Марии Катарины после кормилицы пахнет молоком и марципаном.

Они выходят из коттеджа каждое утро, в разгар арбузно-розового рассвета, и густой аромат жимолости окутывает их, как покрывало. Аугусту сажает девочку возле кремовых яблонь, подрезает розовые мальвы, потом спускается с холма, чтобы успокоить ее видом черного песка и пляжа оттенка сгущенной тьмы с блестками. Этот момент длится вечно. Когда он приносит ее в город, люди тают от вида вдовца, несущего ребенка на руках, как сокровище. *Все это твое, дорогая:* ухоженные дворы, где носятся вверх-вниз стрекозы, фабрики и церкви британских захватчиков. Базальтовые обломки, называемые зубами дракона, превращают тротуары в мозаичные картины. *O Meu Mais Do Que Tudo*³, прогуляемся по черно-белой каравелле, по компасу. Наблюдая за лодками на линии прилива, чьи корпуса расписаны финикийскими глазами⁴, чтобы видеть сквозь туман, он делится уроком: никогда не уплывай без шерстяной шапки – если заблудишься, то сможешь отжать ее и попить пресной воды.

Он приводит ее с собой на обед в одном из отелей около пляжа, в прохладной розовой столовой, где приборы стучат по фарфору, а жемчуг, свисающий с шеи иностранок, рассыпает крошечные отблески, словно осколки радуги. Ужины у него легкие: часто это моллюски в чесночном бульоне.

Утопая во влажности, туристы за столиками говорят о том, чтобы сбежать по воде на восток, в Касабланку. Аугусту велит Марии Катарине слушать новости со всего мира:

*«В Париже открылось место, называемое первым ночным клубом!
Избегайте поездок в Грецию! Восстание разрушило ее!
Найдите фотостудию и купите свое бессмертное изображение!
Англичанин по имени Фокс Талбот получил химическое вещество от
астронома и создает портреты со стеклянных негативов, а это значит,
что люди будут навсегда запечатлены благодаря серебряной жидкости,
полученной от человека, который любит звезды».*

Когда кормилица с помощью слюны приклеивает грязные нитки ко лбу ребенка, чтобы демоны сочли ее слишком уродливой и не украли, Аугусту резко бросает: «Никаких глупостей под моей крышей», – хотя «моя» – это натяжка, поскольку коттедж принадлежит владельцу

³ Та, что превыше всего (*порт.*).

⁴ Встречается мнение, что изображение глаз на кораблях у финикийцев символизировало оберег. Считалось, что глаза помогают кораблю находить путь и отпугивают злых сил, защищают от рифов и штормов.

поместья. Отец Аугусту родом из Авейру на севере материковой Португалии, – муниципальный судья, презирующий суеверия. Когда жена и сын Аугусту умерли и он переехал в очищающие паром, высасывающие боль томные субтропики, напоминанием о месте его рождения стали овуш молеш, которые мать и сестры присылали из своей кондитерской: сладкие ракушки, наполненные пудингом из желтков, – и желание поддерживать веру своего отца в верховенство разума.

Но покой был жестоко нарушен.

Несмотря на сетку вокруг люльки, Мария Катарина заболела малярией. Настои из пажитника не помогали: талант кудесника-травника покинул его.

Ведя отчаянные переговоры с Богом, которому он почти не доверял, включая предложение обменять свою жизнь на ее, Аугусту срочно отправил Марию Катарину к врачу, преподобному доктору Роберту Риду Калли, чьи усилия по обращению жителей Мадейры в пресвитерианство разжигали ярость власть предержащих. Выпрыгнув из плетеной повозки, которую втащили вверх по склону два гиганта, с ребенком, задыхающимся от лихорадки, Аугусту разрыдался, как только вошел в дом Калли: эти слезы копились с тех пор, как он потерял жену и сына. Калли усадил его в кресло, обтянутое гобеленом. Солнце окутало Преподобного, сделав его похожим на искусно затененный портретный этюд. Он сказал:

– Ваша внучка? Мы с женой не благословлены ни одним из детей Господних. Мне пришлось усвоить, что все, кого я встречаю, Его дети. Простите, сеньор Фрейташ! Я говорю и по-португальски.

Аугусту ответил, что хорошо знает английский, и изложил свою историю: садовник, вдовец. Он отречется от католичества, если доктор спасет Марию.

– Мне не нужен отказ от веры, в которой вы чувствуете себя комфортно, – сказал Калли. Когда Мария Катарина вскрикнула, он добавил: – Ваша дочь согласна. Мы приходим к Иисусу такими, какие мы есть, равными. – Он подмигнул Аугусту. – Даже девочки. Я подозреваю, что корень моих проблем – в отказе возложить на Еву ответственность за мужскую глупость. Позвольте познакомить вас со свойствами хинина из хинного дерева. Моя Маргарет имела повод восславить нашего Господа за его целебную силу.

Он дал Марии Катарине настойку из флакона, добавив:

– Вы тоже выглядите не совсем здоровым, сеньор. Табаку? Бокал портвейна? Я себя не балую, но держу немного для посетителей.

– Не употребляю ни того ни другого. – Аугусту не нужно было признаваться, насколько он отделен от общества. Он жил среди растений с найденышем, которого ему не удалось уберечь.

– Лимонный напиток? Я подслащиваю его папайей, поскольку сахар связан с рабством, и это придает ему привкус крови. Нет? Ну ладно.

Он положил благословляющую руку на лоб Марии.

– Она уже прохладнее. Помолимся, сеньор Фрейташ, вы своему Богу, а я своему, о легком разрешении.

Калли закрыл глаза и достиг того состояния, когда душа входит в общение с эфиром, – для верующих это было естественно, но Аугусту находил это странным, почти смущающим. Молитва, по сути, казалась обращением к Богу с просьбой изменить решение о том, что все должны умереть. Калли произнес:

– Господи, в Твоей бесконечной мудрости подари Марии Фрейташ великую судьбу, которая, я уверен, ее ждет, поскольку ее явно любят, а подобное, к сожалению, редко на земле, которую Ты доверил нам.

* * *

Мария Катарина Перейра Ваш Гато де Фрейташ стоит с папой и множеством незнакомцев на холме. За их спинами волны идут мурашками, как ее кожа, когда она слышит музыку, а папа поет, как сейчас, разматывая ленты нот, и она присоединяется к какому-то волшебному сопрано. Весь этот день – песня! Папа показывает ей сборник гимнов, мелодии которых сложены в форме черных проводов и крючков. Маленький мальчик заперт в здании за засыпанным солью полем. Он воробей в клетке. Это называется «бдение». Песнопениями они требуют его свободы. Она берет высокую ноту, и та проходит через окно и приветствует мальчика. Она чувствует во рту вкус ананаса: один протестующий держит в руках мачете, чтобы рубить фрукты, чей сок, подхваченный ветром, долетит до тюрьмы, как съедобные желтые птицы.

Папа говорит, что ее желания выкованы из железа: что она сделана из железа.

Почему же тогда она часто бывает так напугана? Папа клянется защищать ее, и пока она дремлет вместе с ним в кресле-качалке, он читает на ночь португальское благословение, которое велит ребенку не бояться ничего – ни сна, ни темноты, ни старости, ни болезней. *Deus a bênção, e a faça uma santa muuuuito grande, boa noite, durma bem* – благослови тебя Бог и сделай большой-пребольшой святой, спокойной ночи, спи спокойно. Он укладывает ее на перину, на лузитанском желая ей *sonhos cor-de-rosa* – розовых снов, отдыха в тени пионов, восторга от восхода солнца и оттенка камелий, раскрашенных Божьей кистью... Нырни в розовый мир грез – он теперь твой, мой живой ангел, воплощение моей мечты.

* * *

Кто моя мама?

Твоя мать живет на дне моря. Она ухаживает за грядками, где песок проникает внутрь устриц и раздражает их, превращаясь в жемчуг.

Мама, обеспокоенная тем, что Мария Катарина боится темноты, приходит поиграть по ночам. Соленая вода заполняет комнату Марии до потолка, ее шея трескается, выпуская жабры, как у мамы, и они кувыркаются, расческа и садовые башмаки парят, платья и статуя святого Франциска кружатся в танце. Каждое утро этому есть доказательство – мерцание отлива, отступившего из ее комнаты, и мокрая нить, связывающая губу Марии с подушкой.

Мастерство папы в плетении лоз помогает ему заплетать ей волосы. Он называет ее «Кэт», сокращенно от «Катарина». Еще это английское слово для их фамилии Гато – кот.

Им нравятся питайи, бананы и мангольд, красный, желтый, зеленый. Он хвалит то, как она сеет семена моркови – каждое меньше сердца блохи. Они пульсируют, она это чувствует, кончик пальца проталкивает их на два с половиной сантиметра вглубь земли. Эпифитные орхидеи пугают, потому что их корни цепляются за воздух, но она общается с дождевыми червями, совком и руками обрабатывает почву, пока та не становится похожей на голландское какао. Она удобряет участок с гортензией лавовой пылью, так, чтобы цветы стали ярко-фиолетовыми. Они украсят фестивальные накидки на праздниках. Она ложками заливает уксус в раскрытые рты земли, пока другие девчонки кормят кукол, что глупо, потому что куклы не живые, а земля – да.

Она с другими работниками Ботанического сада вычищает фасолины-фава из стручков, где они лежат, как перидоты на мягкой подкладке в шкатулках для драгоценностей. Островитяне говорят «*Favas!*», когда имеют в виду что-то смешное, и она находит это забавным.

- Это моя мама? – спрашивает она, указывая на галеонную фигуру⁵ корабля.
- *Favas*, Кэт-Кэт! – отвечает отец, что гарантированно вызывает у нее ликование.
- А эта сеньора с родинками?
- *Favas*, твоя мать добывает жемчуг в море.
- Это сказка для малышей, папа. Просто скажи мне правду, скажи, скажи.

Она воображает, что ее мама пишет книгу в замке, залитом солнечным светом, который плавит слова. Так они станут понятны любому читателю, которому попадется ее история.

* * *

Однажды на рассвете Ткачиха ангелов загоняет Аугусту в угол и шипит, что ей нужно больше денег за молчание о родном отце девочки. Он хватает топор и угрожает разрубить Тесси пополам, если та приблизится к его дочери, и ее ухмылка, когда она уходит, мучает его. Одна из худших сторон жизни заключается в том, что человек занимается своими делами, хочет, чтобы его *оставили в покое*, одного, *ради Бога*, и вдруг некие силы приходят, чтобы толкать его, тыкать и мешать. *O Meu Mais Do Que Tudo*, та, что превыше всего, где мне спрятать тебя, на каком конце земли?

Чтобы отвлечь Марию Катарину от расспросов о матери, томящейся в заточении, Аугусту обращается за помощью к садовникам Эдите и Альберту Тейшейра, потерянным оттого, что оба их сына уехали в Америку. Альберту создает кошку-топиарий в честь прозвища Марии Катарины. Вместе со своей тетушкой Эдите Мария готовит рисовый пудинг, посыпанный корицей, учится английской вышивке и шитью белыми нитками по-гимарайнски, вытягивает нити из ткани, чтобы создать ришелье – так, словно занималась этим уже сто лет. Это странно и волнующе: она чувствует, что рождена для этого. И даже в таком юном возрасте подозревает, что девочки могут прожить всю жизнь, не узнав, как примирить то, кем они рождены, с тем, что они делают, – а она сама уже связана с садоводством и вышивкой: каждой частичкой своей плоти, своими легкими. Она убеждает себя, что ей хорошо без ровесников, это избавляет от необходимости извиняться за то, кто она есть. Она совершенствуется в вышивке витыми стежками, используя иглу модистки, у которой конец с ушком такой же тонкий, как и острие. «У тебя дар», – мурлычет Эдите. Мадейрская вышивка изысканная, известная на весь мир, но в каждом поколении рождается лишь несколько мастериц от Бога. Хотя у каждого часто кто-то из близких обладает талантом – даже мужчины. Именно они в домах пришивают пуговицы к одежде.

Эдите и Альберту присматривают за ней – пока Мария скручивает нитки, или читает английские и португальские книги, или они лакомятся жареной курицей, салатом с настурциями и запеченным безе под названием суспирос, – по средам, когда Аугусту уезжает в город в гости к некой удалившейся от дел мадам по имени Ампаро с предплечьями, увешанными браслетами.

Чтобы замаскировать эти визиты, Аугусту покупает продукты или заходит на вышивальную фабрику «Хауэлл», чтобы купить экзотические красители из коллекции управляющего. Мария-Кэт лучше переносит его отсутствие, думая, что он может принести домой новый цвет, в жидкости или порошке: например, синтетический лазурит или французский ультрамарин, который изобрел для конкурса Жан-Батист Гиме, или королевский фиолетовый из ракушек мурекса. Он покупает кварцитрон из черного дуба, индийский желтый из мочи коров, которых кормили листьями манго, и египетский коричневый, выделенный из смолы бинтов, которыми обертывали мертвых. В их флаконах сияет целая палитра красных оттенков: амарант, называ-

⁵ Галеонная фигура – носовое украшение на парусном судне, которое устанавливалось на свес в носовой части корабля.

емый вечным⁶, маковый оранжевый и кармин. Лучше всех – кошениль, оттенок фуксии, розовый цвет глубокого сна, а фуксии – это еще и цветы-балерины, на каждой тычинке – капля меда, запятанная глубоко внутри тела танцовщицы.

Он покупает пресс-папье со стеклянными гранями, расположенными по кругу, и шепчет: «Оно вращается, Кэт. Попробуй!» На каждом прямоугольнике выгравирована лошадь. Поза каждой лошади индивидуальна. Когда она приводит эту карусель в движение, рисунки сливаются в одно животное, скачущее по кругу. Она настолько ошеломлена, что готова развалиться на куски.

Потому что иногда она чувствует себя хрупкой, как чайная чашка или тонкая тарелка, хранящаяся в шкафу после того, как все остальные предметы в наборе давно разбились.

* * *

Хозяин сада посылает свою белую, как мука, племянницу по имени Сьюзен Эш, чтобы та всеми командовала. Когда она накидывается на папу, чтобы тот подрезал фиговые деревья посильнее, Мария хватается за лопату и кричит: «Если ты еще раз так заговоришь с папой или со мной, я тебя поколочу». Сьюзен, измазанная дерьмом корова, слишком ошеломлена, чтобы ответить. (Нет, она не корова, у коров ангельское мычание, и они славные, как и козочки, зайчики, цыплята и поросята.) Папа отводит Марию-Кэт на прогулку. На полпути к скале он смеется и упрекает ее:

– Будь осторожна, не оскорбляй людей, которые мне платят, *minha princesa*⁷.

– Я ненавижу ее.

– Я тоже ее ненавижу. Но прежде чем так говорить, прогуляйся и успокой нервы.

В дни, посвященные работе с деревьями, он носит галстук-бабочку, потому что по-португальски его тоже называют бабочкой, и деревья это ценят.

– Я буду очень громко думать, как сильно я ее ненавижу.

Даже не глядя на него, она чувствует, как отец пытается сдержать улыбку.

– Хороший план, дорогая.

Раздраженная, с кожей, стянутой, как барабан, она продолжает подъем, но останавливается, чтобы исследовать бухту, выдолбленную в склоне холма. За камнем, под высоким зонтом пальмы, спрятался куст с блестящими темными заостренными листьями и красными ягодами. Когда она касается нескольких листьев, куст шевелится. Ее отец растворяется в благоговении. Приглушенным тоном он говорит:

– Ты понимаешь, что нашла? – Он приветствует растение словами: – Разве ты не прекрасен, – и объявляет Марии: – Это *Synsepalum dulcificum*. Чудо-ягода, или магический фрукт. Жаль, что мало кто о нем знает.

Ей нравится, как они тайком выкапывают растение ночью. Они пересаживают его в малозаметное место в саду и надеются сохранить его в тайне. Их *Synsepalum dulcificum* изо всех сил пытается спрятаться в гуще других кустов, а потом происходит величайшее событие в ее жизни. На кухне отец убеждает ее пожевать ягоду, а когда она колеблется, притворяется обиженным: «Разве ты не доверяешь своему старому папе?»

Она перемалывает зубами ягоду и глотает ее. Отец дает ей дольку лимона и предлагает ее надкусить.

⁶ Название растения, из которого производят одноименный краситель, происходит от греческого слова «άμαραντος», что означает «неувядаемый» или «вечный». Это относится к листьям амаранта, которые сохраняют яркость и свежесть даже после того, как их срывают.

⁷ Моя принцесса (порт.).

Она чувствует невероятный подъем, словно ноги отрываются от земли. Какой восторг: ждешь кислоты, а получаешь вкус леденцов! Чудо, которое творят ягоды, объясняет он, состоит в том, чтобы превратить все кислое или пресное в сладкое. Она не может заснуть от восторга.

Отпрыски их *Synsepalum dulcificum* разрастаются быстро. Она совершенно сходит с ума от папиной идеи срезать черенки под наклоном. (*Не терзай стебель робкими порезами, наноси один уверенный удар, милая.*) Она заклеивает ранки мульчей, прежде чем рассадить новые побеги. Когда на ее первом удачном черенке прорастает первая ягода, она настаивает, чтобы они отпраздновали это событие, спустившись вечером по склону и бродя по черному морскому песку. Она указывает на луну, чье отражение в воде напоминает мерцающую лестницу света.

Истории о выходящей к ней русалке-матери забыты. Мария Катарина уже давно не младенец. Она шепчет:

– Посмотри, что упало на нас с неба, папа. Разве это не прекрасно?

– *Minha princesa*, – выдыхает он, – так и есть, так и есть.

* * *

Однажды летним днем, в ту пору, когда они уже подошли к пределу возможного – если они вырастят слишком много кустов *Synsepalum dulcificum*, то их обнаружат, а места и так мало, – какой-то мальчик выводит ее из задумчивости. В то же утро (честно-честно, в то же самое утро!) ее пронзила мысль, что существуют гобелены размером со стену, – а что, если она вышиет гобелен с изображением Ботанического сада, воспроизведя каждую его деталь в масштабе? Это прославило бы ее как самую выдающуюся вышивальщицу на свете, а ее работы выставились бы в Париже или на просторах Дикого Запада Америки. Она купит папе собственный сад (и вырастит в нем свою чудо-ягоду) – и вдруг появляется этот мальчик, как бы намекая ей *включить его* в этот огромный проект. Он высокий, с большими карими глазами.

Что заставляет ее раскрыть тайну своего растения? Она лгала себе, что ей не нужны друзья, кроме папы, Эдите и Альберту. Этот мальчик может спасти ее от существования, которое не настолько значительно, насколько она хочет думать. Оно закрытое, и она не умеет общаться с незнакомцами или менять свои планы – что-то неидеальное для нее все равно что разрушенное. Ее задевает, когда он ведет себя так, будто она хочет отравить его ягодой. А потом он надкусывает лимон, и его взгляд встречается с ее.

Папа при знакомстве с ним становится на колени, потому что это тот самый мальчик, которого посадили в тюрьму вместе с матерью, когда Мария пела ему. Он уже пережил заключение, и это пугает ее. Он познал мир! У него есть раны. Она хвастается, чтобы он не обнаружил, что она ничего не смыслит в мире за пределами своего маленького королевства. Папа проделывает свой трюк: погружает в воду разрезанные персики, и они плавают, как креветки. Они дают ему книжку *Phonurgia nova sive conjugiam что-то там*, потому что Джон признается: он лелеет мечту – так же как и она, Великий Боже, – он хочет запечатлеть музыку на страницах! Никто из тех, кого она встречала, не думает так, как он... это ее тоже страшит, она становится громкой и вертлявой и подозревает, что спугнула его.

* * *

В воскресенье, когда воздух был густым от зноя, Аугусту и Мария Катарина посетили мессу, несмотря на неприязнь папы к утверждениям священников, что люди – это отвратительные мясные мешки. Хозяин Ботанического сада запретил им бесплатно раздавать овощи нуждающимся, и чтобы заставить Церковь вмешаться, видимо, потребуется изобразить благочестие. Мария надела папину соломенную шляпу поверх кружевной вуали, теперь она экспериментировала с разными наклонами, фантазируя, что находится на итальянском речном судне,

когда внезапно священник за кафедрой громогласно заговорил о «язычниках» и «священной войне», а прихожане забормотали в знак согласия. Пожилая пара яростно закивала, когда отец Силвейра принялся разглагольствовать: «Это неверные в ответе за нашу засуху! Загоните их в море!» Разразились аплодисменты. Когда он заорал: «Остановим этого иностранца Роберта Калли!», – Мария отдала папе шляпу и повела его прочь по нефу. Их поспешность привлекла взгляды.

Намереваясь предупредить Калли, они достигли склона, ведущего к его дому с прекрасным видом, но оттуда поднимались черные клубы дыма, а стропила лопались, превратившись в угли. Он был как извергающийся вулкан на вершине холма. Оттуда спускались двое с факелами, и папа потребовал сообщить местонахождение Преподобного и Маргарет.

Поджигатели захихикали. Как весело: собак выпустили на свободу, этот хаос одобрили люди, которые решили, что они главные. «Вы опоздали, – крикнул один из них. – Он сбежал вместе со своей женой, но не волнуйтесь, его дом наш».

Аугусту и Кэт недавно приносили ему щепотку порошка из лазурита, предназначенного для окрашивания изображений Богородицы, и Калли был тронут таким дорогим подарком, а теперь эти бешеные шуты предали его – все – пламени. Папа сказал: «Давай-ка домой, *minha princesa*. Сейчас же».

Но когда они бежали через главную площадь, туда хлынула толпа. Мария никогда не видела такой бурлящей массы рук, ног и палок. Людей избивали. Доска врезалась в чью-то голову, хлынула кровь. Женщина указала на папу и закричала: «Он друг Калли!» – а другой схватил его и заорал: «Он ходит к шлюхам!» Шторм унес его прочь, а Мария кричала: «Папа! Папа!» – и толкалась, и царапалась, и боролась, чтобы попасть туда, куда его потащило разъяренное течение. Но она споткнулась, и кто-то ботинком наступил на ее икру. Она выкрикивала имя папы снова и снова, пока у нее не начали взрываться барабанные перепонки.

«Мадейра» в переводе с португальского – дерево. Это название появилось из-за лесов, горевших семь лет, когда поселенцы пытались расчистить землю, но природа восставала из пепла

1846–1860

Их соседка Амелия, католичка, которая приносила им рис с осьминогом, когда мать была в тюрьме, мчалась к Джону и Никке, застывшим, как статуи, в то время как люди с факелами двигались толпой вверх по склону по направлению к ним. Мать оставалась призом, который все еще хотели заполучить.

Амелия закричала: «Поспешите!» Она сунула Никке свитер – какое утешение он может дать? – и когда прогремела еще одна пушка, Амелия закричала: «Военные корабли, британские, говорят, что заберут вас. В Тринидад. Бегите!»

Джон бросил взгляд на людей с факелами и побежал в дом, Никка последовала за ним, он закричал: «Мама, они снова хотят тебя убить!» – а Никка рассказала про спасение в гавани. Руи отложил ложку. Мать сказала: «Бог позаботится о нас», – а Джон выкрикнул: «Наша книга!» – и бросился к сокровищу Кирхера, но мать схватила его и сказала: «Она слишком тяжелая, малыш». Она отперла курятник и свинарник и затопала ногами, заставляя его любимицу Глорию присоединиться к остальным животным, кинувшимся прочь. Люди с факелами были всего в одной молитве «Отче наш» от их двора.

Джон вместе с матерью, сестрой и братом нырнул в заросли бугенвиллей и драконовых деревьев, чьи ветки царапали им лица. Он оглянулся и увидел, что дом семьи Алвеш охвачен пламенем. Книгу, в которой хранились их с матерью мечты, которую он поклялся вернуть своей новой подруге и ее отцу, уничтожал огонь. А вместе с ней кровати, коврики и цветы ипомеи. Дрожь ярости на секунду замедлила его.

Чтобы добраться до гавани в районе Агуа-де-Пена, нужно было пересечь тридцатиметровый мост с перилами из виноградной лозы и полом из досок со щелями. По нему не могло идти более одного человека за раз. Мать, проигнорировав протест Джона, вызвалась первой. Когда она провела руками по лозам, мост качнулся над пропастью, но она достигла другой стороны, где земля спускалась к морю цвета разбитого сапфира.

На выступе скалы появился кабан, обнюхивающий ямс. Джон обожал свиней, более чувствительных и умных, чем большинство людей, и тосковал по Глории, с которой они играли в «принеси мячик», – наверное, она уже была мертва. Когда крики мужчин стали приближаться, Никка настояла, чтобы ее братья первыми направились к убежищу. Времени на споры не было, поэтому Руи помчался по мосту – слишком быстро, поэтому мост закачался из стороны в сторону, но Руи удержался. Мать излучала спокойствие. Позади нее ждал корабль. Джон отказался переходить мост, пока Никка не окажется в безопасности. Пока она торопливо шла по нему, упало несколько досок. Он подождал, пока мост не перестанет раскачиваться, прежде чем кинуться по нему бегом. Мужчины появились около моста, когда Джон был уже на полпути, и один из них заорал: «От истинного Бога не убежать!»

Пропасть была так глубока, что Джону чудилось, будто он летит. В тюрьме ему хотелось неба и вида вдаль, но теперь ему стало дурно.

– Смотрите, кабан, – сказал Мэнни, владелец тележки с сардинами. – Ужин. – Мать купала у него рыбу, похожую на блестящие сребреники. Джон понятия не имел, что Мэнни их

ненавидит. Мэнни поднял камень, чтобы убить кабана, и Джон заорал животному: «Беги!» Кабан поднял голову и рванул прочь, а Мэнни закричал: «Черт побери!»

Мужчина рядом с ним присел и поджег мост. Воздух заговорил в ухе Джона, когда он вдохнул запах паленого. Дети могут умереть. *Волки не щадят стадо.* Мать закричала:

– Джон! Иди ко мне! Не смотри вниз!

– Это же ребенок! – сказал третий мужчина, снимая рубашку, чтобы потушить пламя.

– Он спугнул свинью! – крикнул поджигатель.

Его соучастники затоптали огонь, но искры попали на дерево, и доски стали падать вниз одна за другой. Мужчины сами помешали своей погоне и теперь сжимали трещащие факелы, в то время как Джон несясь вперед по дико качающемуся мосту: доски за ним горели, а мать, раскрыв объятия, призывала его бежать быстрее.

Помочь ей соскользнуть по песку к маленьким лодкам, битком набитым беженцами. Удивительно, как они не затонули по пути к одному из трех военных кораблей. После того как лодки швартовались, британские моряки сбрасывали веревочные лестницы и помогали всем подниматься наверх, особенно детям, старикам и немощным, пока челюсти моря смыкались на корпусах лодок и на любой ноге, скользящей близко к воде, а потом капитаны маленьких лодок возвращались на берег, где новые сотни ожидающих изгнанников вылезали из укрытий.

На борту ютился лучший друг Джона, Франсишку де Мело, его родители и брат. Франсишку прошептал: «Разве Иисус не должен нас спасти?» – и Джон задался вопросом, почему мать не попросит Его о помощи. Старый Роналду Мендеш со сгоревшими бровями пах как тот заварной крем, что Никка однажды переварила, превратив в смолу. На палубе было полно семей. Пришло известие, что дом Калли в огне, но Роберт переоделся женщиной и был доставлен вместе с женой на паланкине на уже ушедший корабль «Превосходящий»: единственный, направлявшийся в Англию.

Ветер приносил далекие звуки, они окутывали Джона и Серафину. Кричали животные, которых резали, а нападавшие жестоко издевались над детьми, женщинами и мужчинами, останавливаясь только ради того, чтобы утащить что-нибудь ценное. Сожженные книги в библиотеке Калли превращались в летучих мышей, присоединяясь к черной пепельной летучей мыши, в которую превратилась книга Кирхера, порхая над истекающим кровью скотом и девочками в разорванной одежде, над умирающими домами и воющими цветами – ведь цветы не могли убежать, и над камнями, находящими свои цели: человеческие тела.

– Никка, – сказал Джон, – а как же Мигель?

– Он вернется с рыбалки и обнаружит, что мы пропали, – сказала она.

– Хорошо. – Джон надеялся, что католики Аугусту и Мария в безопасности в своем гнезде над морем. Вода вздымалась под судном под названием «Уильям Глазго», когда оно двинулось в неизвестность. Джон обшарил всю палубу в поисках одеяла для дрожащей матери. Он слышал шепот внутри нее: «*Я в ужасе*». И это его испугало.

* * *

Вначале был Тринидад. Португальские протестанты стали работать на полях сахарного тростника, оставленных рабами, которых освободили десятью годами ранее. Свой десятый день рождения Джон провел, подстригая молодые деревца на плантации, где для вечеринок зажигали бледно-зеленые китайские фонарики. В свой одиннадцатый день рождения он размышлял, не выжгло ли солнце блеск из его глаз.

Бог наконец постановил, что пришло время – Он, казалось, был полон решимости испытывать веру племени Алвеш раз в два с половиной года – вывести их из плена. Он молвил: «Первое обещание о работе явится как сон и не сбудется, но будьте бдительны, не отчаивай-

тес, ибо Я намерен после этого доставить вас в сердце штата, по форме подобного сердцу, спрятанному в самом сердце страны».

* * *

Вначале был Нью-Йорк.

«Объединенная конопляная компания» в Иллинойсе отозвалась на воззвания Американского протестантского общества облегчить судьбу изгнанников. Этим пилигримам будут предоставлены рабочие места, а также дома и земля для строительства на фронтире, если они сначала поплывут в Нью-Йорк, откуда их направят в этот рай в центре бескрайней страны.

Сотня желаний, большинству из которых он не мог дать названия, словно били Джона током, когда они прибыли в окруженное рекой царство огромных зданий, быстрых лошадей и людей, спешащих, словно от паводка – только для того, чтобы услышать, что намерения конопляной компании превзошли ее возможности и она обанкротилась. Изгнанники оказались в затруднительном положении. Из Иллинойса пришло очередное сообщение: когда на дорогах перестанет бушевать холера, протестантские церкви действительно сделают Средний Запад своим убежищем. Благотворительность – дело небыстрое, но надежды не должны гаснуть: и мадейранцы найдут себе кров, еду и одежду. А еще работу, в основном – на обширных полях.

Беженцы ждали в Нью-Йорке так много месяцев, что он стал их домом. Миссис Юла Брукс из Пресвитерианской церкви повела Никку, Руи и Джона в кофейню театра «Парк», чтобы те попробовали горячий шоколад. Он был великолепен. Он растворял кристаллы, в которые превратился мозг Джона.

Никка крепко держала брата за руку, когда они спешили на перекресток Вашингтон-стрит и Литл-Уэст Двенадцатой, чтобы посмотреть, как будут сносить какой-то форт. Они выучили слово «блок», которым называли кварталы Нью-Йорка, как будто чтобы передвигаться, город нужно было разбить на огромные кирпичи. В магазине свежих продуктов они пришли в зачарованный ужас от металлических коробок с мясом. Люди изобрели способ помещать животных в консервную банку, чтобы мясо не портилось.

Миссис Брукс была впечатлена тем, насколько хорошо многие из них говорили на ее языке благодаря преподобному Калли, который в это время оживленно беседовал с великими лидерами Иллинойса и восхвалял эту щедрую страну. Джона вновь поразило, что все, даже его мать, называли его английским именем, сколько он себя помнил, потому что британцы ужасно страдали, стараясь произнести «Жоао». Миссионеры в Нью-Йорке читали лекции о выдающихся людях, приехавших из других мест, а история про Джона Джейкоба Астора – немецкого иммигранта, заработавшего несметные богатства, – побудила Джона настоять на том, чтобы его друг Франсишку проник вместе с ним в его особняк. Они хотели поискать подсказки, как тот прошел путь от *ничего* до *всего*. Астор умер незадолго до их прибытия, и, возможно, превратившись в призрака в своих владениях, был готов раскрыть секрет того, как стать достаточно богатым, чтобы купить все, что потребуется матери, на сто лет вперед.

Умение Франсишку взламывать замки было проверено на роскошной двери, пока прохожие наблюдали за двумя плохо одетыми мальчиками, которые притворялись, что моют фасад тряпками. Франсишку, мальчик с глазами на мокром месте и длинными ресницами, сказал:

– Я не хочу, чтобы меня застрелили.

Они использовали его умение обращаться с замками, чтобы проникнуть в особняк какого-то лорда в Тринидаде и украсть настойку Варбурга, когда Никка болела, – тогда они убегали под ружейным огнем.

– Мы просто посмотрим. Давай быстрее.

– Хочешь попробовать сам?

– Ладно-ладно! Извини.

Франсишку повернул проволоку, которую принес с собой, и один щелчок открыл им путь во дворец покойного богатейшего человека в городе. Они на цыпочках поднялись по винтовой лестнице в величайшую комнату во вселенной и заскользили по полированному полу под люстрой из тысячи стеклянных капель. Занавеси закрывали статуи в нишах.

Там было так много коридоров и чуланов. В гардеробной стояло множество цилиндров, и Джон примерил один. «Ну-ну», – прогудел он, схватив Франсишку за руку, как это делают американцы. Госпожа Брукс объясняла, что обычай жать руки пошел от желания доказать, что в них нет оружия. Джон покрутил тростью, настороженный Франсишку тоже надел цилиндр. Они вошли в гостиную, украшенную изображениями птиц: среди них была розовая колпица. Джон никогда не видел такого пола: темных деревянных полос с вкраплениями более светлого дерева. В Америке, должно быть, росло дерево с древесиной разного цвета. Внезапно он подпрыгнул, и его цилиндр упал, как и с головы Франсишку: их за воротники схватил угрюмый смотритель.

В полицейском участке навыки Франсишку в английском языке покинули его, и Джон подвергся тяжелому допросу, хотя он настаивал, что они всего лишь хотели выразить свое почтение Астору.

– Никто не учил вас, мальчики, держаться подальше от чужих домов? – спросил офицер с бровями, напомнившими Джону брови Тониу. Рядом лязгнули железные двери.

– Об Асторе мы думаем как о музее, что это есть музей, сэр, – сказал Джон.

– Что? Откуда вы?

– Я сожалею.

Но он не сожалел, что увидел блеск этих полов, гладкость этой шляпы или акварель с розовой птицей, подписанную именем «Одубон»⁸ – тот, по словам миссис Брукс, тоже был иммигрантом и стал знаменитым. Когда Серафина Алвеш вошла в дом правосудия, ее лицо было неподвижным от разочарования, но также и от страха, поскольку офицер решил, что она нищенка. Джон испортил ее впечатление о новом мире, напомнив, что ей всегда будет угрожать тюрьма. Она улыбнулась офицеру, и Джон услышал дрожь в ее голосе, когда она сказала, пытаясь собрать воедино ускользающие от нее английские слова:

– Мой мальчик делать ошибку, здесь такие красивые дома, но заходить внутрь неправильно, извинись, Джон. Франсишку.

– Мне очень жаль, сэр, – сказал Джон. Франсишку повторил извинения Джона.

– Надо бы посадить их за решетку, преподать им урок, – сказал офицер. Стены были зеленоватыми, из приемника доносился рев кого-то невидимого.

– Я заплачу вам, чтобы я брать их домой.

Она порылась в кармане в поисках монет. Полицейский засмеялся и посоветовал ей оставить деньги себе, но держаться подальше от неприятностей, иначе их отправят обратно туда, откуда они явились. Мать вывела их наружу, и когда Джон попытался ее поблагодарить, пока они плелись в холодном воздухе мимо величественных домов, она огрызнулась по-португальски: «Имейте совесть помолчать».

Стыд начал резать его мышцы и усилился, когда на следующее утро она пропала из их временного дома на пересечении Двадцать пятой улицы и Седьмой авеню.

Он нашел мать в ее любимом месте для молитв, у реки Гудзон. Когда он сел рядом на низкий парапет, она указала на несколько зданий и сказала, что ей нравится, какие они огромные и какой Джон высокий, намного выше, чем ровесники, чем большинство мальчиков с Мадейры. И как же славно было бы построить что-то настолько высокое, что, когда ты полетишь на небеса

⁸ Джон Джеймс Одубон – американский натуралист, орнитолог и художник-анималист.

и Бог спросит, что ты сделал, чтобы помочь Ему в Его творении, ты сможешь указать на свое строение, и Он увидит его оттуда, где находится, и будет очень доволен.

– Прости, что я заглянул в дом мистера Астора, – сказал Джон. Никка весь завтрак успокаивала его: нет, мать, наверное, просто гуляет, нет, ее не арестовали. Но однажды она *и правда* уйдет навсегда. То, что это неожиданно тяжелое осознание пришло к нему, само по себе было неожиданностью. Они затащили колыбельную, которую мать придумала, когда он был ребенком и боялся, что Тониу причинит ей боль.

– *Кто моя канарейка?* – Сейчас, сидя у Гудзона, она повторила слова старого утешения. – Хочешь, мать расскажет, как она никогда тебя не покинет? Ты знаешь, как найти меня, когда я умру, любовь моя? Это так просто. Впервые твоя мать станет великой, так что ты должен радоваться, когда мой дух двинется над водами.

Слушай, Джон. Неважно, что после похорон пауки съедят нас. Знаешь, почему мне было бы больно думать, что ты плачешь? Я буду внутри этих пауков, и когда они сплетут свою паутину в дверных проемах и в углах, где стены соприкасаются с другими стенами, или когда их паутинки прицепятся, как сережки на скот, или протянутся к твоему воротнику, пока ты лежишь в траве, – встань и пройди сквозь меня. Пройди сквозь паутину, ведь это я буду целовать твое лицо. Если будешь ранен, используй паутину, скомканную так, как тебе показывала Никка, чтобы остановить кровотечение. Это твоя мать придет тебе на помощь.

Когда мать упомянула о высоких зданиях, Господь напомнил ему, что короли и знать всегда строили памятники, посвященные Богу, а их имена оставались на мемориальных досках, поэтому Джон заявил: «Я помогу тебе построить церковь в этой стране, мама». Такая цель не позволит всей этой грандиозности поглотить их.

– Да. Грех не быть благодарным.

Крики чаек над головой были переведены так: «Слушайте! Слушайте приветственную музыку этой земли».

Он мог слышать, как жители далекого Иллинойса суетятся: «*Наш христианский долг – не просто пустые слова*». Котлы с выправленными вмятинами и ткань, над которой будто поднимается легкий туман – одежда для погоды Среднего Запада, – летят в кучу вещей, собираемых для них. Женщины Джексонвилла и Спрингфилда в суматохе готовятся к приему вновь прибывших, собирают лампы на китовом жире, и их дым, пары морских мертвецов, напоминает жителям прерий о легендах про Левиафана. Баночки с плавающими в сиропе тыквенными чипсами, и маринованные белые и зеленые огурцы, и заливное из языка – вот какие неслыханные продукты достаются из шкафов для португальских протестантов вместе с теплыми шляпами: американцы носят на головах предметы, похожие на кошку! – и трубы из меха, называемые муфтами, которые пожирают руки женщин. Как из мечты рождается изобретение, и как оно переходит в руки других? Духи китов будут неустанно подниматься из ламп, как джинн из сказки о желаниях, которую Никка однажды читала ему, пламя будет гореть ярко, потому что американцы этого требуют, им теперь нужно больше света, чем дает Бог днем. Женщины, на лицах которых рдеет жар печей, спешат встречать беглецов. Здесь восхваление Бога – это действие. Здесь восхваление Бога подразумевает поиск всему применения. Взять хоть вот эту свечу из ситника: стебель, пропитанный жиром и сгорающий за минуту, вместо настоящей свечи – свет для бедняков.

Но сначала: сумерки окутывают Нью-Йорк, крапивники и сойки радуются, присоединяясь к чайкам, крича так, что Джон крепко обнимает свою мать, как будто это излечит все, что ее мучит, и птичья песня звучит так:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.